

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Е. СЕРГЕЕНКО, Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, М.—Л., 1958, тир. 1500 экз., 245 стр., цена 12 руб. 40 коп.

Имя М. Е. Сергеевко вот уже около четверти века известно в науке. Оно знакомо не только относительно узким кругам специалистов по античной истории, но и специалистам по истории агрономии и сельского хозяйства, а также довольно широкой массе советских читателей. Исследования М. Е. Сергеевко известны и за рубежом¹.

Широк и разнообразен круг научных интересов М. Е. Сергеевко, но одна капитальная тема является ведущей в ее творчестве — сельское хозяйство Италии. Понятен интерес к этой теме. Сельское хозяйство — одна из главных отраслей народного хозяйства и в настоящее время, в эпоху невиданного развития промышленности, — в древности была главной, безраздельно господствующей отраслью производства. Вот почему искать главные особенности экономического, а следовательно, и социального строя нельзя без знания этой решающей части античной экономики. Следует заметить, что в советской литературе об античности имеется мало работ по истории античного сельского хозяйства. Мало того, начиная с 30-х годов количество работ по этой теме начинает сокращаться. Ряд исследователей отошли от этой тематики (например, П. Н. Шульц, Е. Г. Кагаров, М. Н. Бурский и др.), и только М. Е. Сергеевко продолжает плодотворно и систематически изучать эту важнейшую сторону римской истории.

Появление новой большой работы М. Е. Сергеевко показывает, что автор обобщил в ней результаты своих прежних исследований. Однако новая книга отнюдь не представляет собой сборника ранее опубликованных статей. Несмотря на очерковый характер рассматриваемого труда, автор сообщил ему композиционную стройность, которая придает книге в целом монографический характер.

Структура книги вкратце такова. В главе I дана общая характеристика рабовладельческого поместья средней Италии во II в. до н. э. как основной организационной формы в сельском хозяйстве Рима в эпоху расцвета рабовладельческих отношений: главные культуры, товарность и натуральность хозяйства, рабочая сила, доходность различных отраслей. В следующих главах дается описание отраслей италийского сельского хозяйства, о которых в I главе сказано лишь в общих чертах: в главах II и III содержится характеристика обработки хлебного поля (удобрение, орудия обработки, пахота и др.); жатвы и молотбы; в IV главе разбираются вопросы садоводства, в V — маслиноводства, в VI — основные отрасли италийского животноводства — овцеводство и свиноводство. Все эти главы (I—VI) касаются общих вопросов сельского хозяйства, главных черт рабовладельческого поместья. Главы — VII «Хозяйство италийских suburbana» и VIII «Организация сельского хозяйства в долине реки По во II—I вв. до н. э.» затрагивают очень интересные и по-существу малоисследованные вопросы сельского хозяйства отдельных италийских областей. Автор выделяет специально пригородный район Рима и область Цизальпинской Галлии. Последняя глава — IX «Villae rusticae под Помпеями» служит как бы заключением работы, позволяя на материале некоторых из раскопанных вилл конкретно и наглядно воссоздать картину италийского поместья в период расцвета рабовладельческого способа производства.

В книге М. Е. Сергеевко нет введения, где обычно дается постановка вопроса, и заключения, где автор излагает основные выводы своего исследования, тем не менее, анализируя содержание работы, можно наметить основные черты концепции автора.

Италийское сельское хозяйство со II в. до н. э. переживает пору своего наивысшего в условиях господства рабовладельческого способа производства расцвета. Этот

¹ Не говоря о статьях автора, укажем, что ее работа «Помпеи», изданная в научно-популярной серии АН СССР, 1949 г., переведена на немецкий язык и выдержала два издания (1953 и 1954 гг.).

расцвет был связан с появлением нового хозяйственного организма — рабовладельческого поместья, так хорошо описанного римскими агрономами и, в частности, Катонем. Прежнее крестьянское хозяйство с праделовскими приемами агротехники, громоздкими и неуклюжими орудиями, ограниченным числом сортов всецело зависело от случайностей погоды. Владелец рабовладельческого поместья уже не удовлетворяется тем, что дает ему земля, он начинает воздействовать на нее, стараясь получить большие урожаи. Это воздействие шло по нескольким направлениям: стали лучше и больше удобрять почву, тщательно собирать и хранить навоз, появилось несколько видов удобрения, улучшилась техника вспашки, увеличился ассортимент сельскохозяйственных орудий. Расцвет сельского хозяйства привел к увеличению урожайности уже известных сортов, к появлению новых; наряду с зерновыми культурами широко распространились маслиноводство и виноградарство, выделилось в отдельную отрасль животноводство, появилось промышленное птицеводство. Все эти изменения произошли не сразу и не внезапно, автор дает описание их в историческом плане в сложном взаимодействии греческого опыта, римских традиционных приемов и смелого экспериментирования передовых сельских хозяев.

Прогресс сельского хозяйства Италии продолжался во II—I вв. до н. э.; в I в. н. э. оно начинает приходить в упадок, находится в тяжелом положении (стр. 31), несмотря на то, что агрономическая наука как раз в I в. н. э. достигла большой высоты, а рекомендуемые ею приемы агротехники (например у Колумеллы) были весьма совершенными. Решающее значение в этом упадке сыграли невыгодность, незаинтересованность рабов в труде, «пассивное сопротивление рабов всяким улучшениям и усовершенствованиям» (стр. 62). Признаками этого несомненного упадка является появление в I в. н. э. особого направления, представленного Цельзом и Плинием Старшим, основным принципом которого были максимальное сокращение расходов, резкая экстенсификация хозяйства (мелкая вспашка, сокращение или даже отказ от мотыжения и прополки и т. д.). Другим показателем начинающегося упадка может служить кризис итальянского маслиноводства, сокращение масличных насаждений, ухудшение качества итальянского масла и потеря для него заморского рынка, замена масличных сортов столовыми.

В сущности эта концепция в целом не является новой, если не считать того, что М. Е. Сергеевко вполне справедливо видит начало кризиса итальянского земледелия не в конце I в. н. э. или даже в начале II в. н. э., а по крайней мере в середине I в. н. э. Автор сумел на конкретном материале технических и агрономических данных обосновать эту концепцию.

М. Е. Сергеевко избегает делать широкие выводы из анализируемого ею материала, предпочитая выводы частного порядка, и тем самым предоставляя читателю самому судить и о состоянии сельского хозяйства, и об общей концепции автора. Вероятно, этим объясняется отсутствие введения и заключения. В работе в целом, если можно так выразиться, сильнее представлен анализ материала, чем синтез его результатов.

Анализ конкретного материала проведен в книге на самом высоком уровне исследования: разбор катоновской шкалы доходностей, описание плуга, происхождение различных сортов груш и т. д. Следует отметить большой удельный вес археологического и нумизматического материала, используемого весьма полно, с глубоким проникновением в сущность предмета и вместе с тем со всею осторожностью. Частные результаты, к которым приходит автор, как правило, надежно обоснованы и вызывают большой интерес.

Этот интерес усиливается еще и потому, что все стороны итальянского сельского хозяйства с такой полнотой рассматриваются в отечественной литературе впервые: частные, казалось бы, вопросы удобрения, техники вспашки, виды рал и плугов; особенности посева и жатвы, устройство питомников и формы чубуков позволяют заглянуть в глубинные процессы рабовладельческого способа производства. Автор руководствуется здесь замечательной мыслью Маркса: «Таковую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»².

Конкретное рассмотрение этих вопросов применительно к сельскому хозяйству Италии дает любопытную картину: оказывается, техника и виды удобрения были многочисленными — разные виды навоза, зеленое удобрение, компост, почвенный горизонт, минеральное удобрение (зола), глубина вспашки в лучшие времена равнялась $\frac{3}{4}$ фута (22 см). Ниву пахали трижды; при всех несовершенствах итальянский плуг переворачивал пласт земли; посевы мотыжили до трех раз, жатва проводилась самым тщатель-

² К. М а р к с, Капитал, т. I, М., 1955, стр. 187.

ным образом. Римские садоводы достигли высокого искусства прививки растений и вывели ряд новых сортов. Комбинирование культур на одном участке уже отражает до известной степени преодоление двуполюя и появление элементов плодосмена³. Хорошо использовался не только сам урожай, но и его побочные продукты, в пределах одного хозяйства тесно сочеталось земледелие с животноводством. Иначе говоря, в этот период были выработаны и осуществлены на практике такие приемы агротехники и севооборота, элементы которых пережили древность⁴. Этот невиданный прогресс италийского сельского хозяйства послужил тем фундаментом, на котором возвышалось рабовладельческое общество с его сложными формами социального и политического строя.

Заслуживают всяческого внимания и другие выводы автора. Один из них — большая роль зерновых культур в эпоху Катона — сейчас получил большое признание⁵. Не может не привлечь внимания попытка наметить некоторые различия в организации сельского хозяйства в различных областях Италии, показать некоторые, отличающиеся друг от друга типы рабовладельческих поместий. Кроме классического типа рабовладельческого поместья, описанного Катонам⁶, господствовавшего в Средней Италии, М. Е. Сергеевко исследует пригородное хозяйство (главным образом под Римом) и крупное самодовлеющее хозяйство, возможно, латифундии в долине реки По.

Полемизируя с классификацией кампанских *villae rusticae*, данной М. Ростовцевым и разделяемой Т. Франком и Р. Каррингтоном, автор опровергает существование специализированных хозяйств в окрестностях Помпей, подчеркивая натуральные основы римского поместья, сочетание в пределах одного хозяйства многих отраслей.

Важной особенностью работы является также и то, что, несмотря на большой удельный вес чисто технических вопросов, автор уделяет внимание проблеме рабочей силы имения. Основной рабочей силой катоновского и пригородного поместий были рабы, хотя по временам хозяин привлекает и соседних крестьян и издольщиков. Иное решение вопроса о рабочей силе дается для крупных поместий в Цизальпинской Галлии. Хотя и здесь рабы играют значительную роль, но основной рабочей силой являются мелкие арендаторы, сидящие на земле ее владельца (стр. 169).

Таково краткое содержание рецензируемой книги М. Е. Сергеевко. В книге достаточно полно характеризуются различные стороны италийского сельского хозяйства. Общая концепция автора, его основные и многие частные выводы не вызывают сомнений.

Однако в работе имеются все же недостатки, существуют досадные пробелы, определенные неясности.

Один из недостатков разбираемой работы является некоторая неровность, неравномерность изложения, приводящая к тому, что вопросы, иногда очень важные, освещены бегло или опущены, а второстепенные исследованы с исчерпывающей полнотой. Так, при всей тщательности и точности описания различных сторон обработки хлебного поля автор лишь глухо упоминает о севообороте, семенах, видах злаков, оставляет в стороне бесспорно важнейший вопрос — об урожайности. В распоряжении науки имеется, однако, некоторый материал, который позволял автору, правда в общих чертах, наметить эволюцию урожайности, в частности зерновых культур Италии II в. до н. э. — I в. н. э., между прочим, хорошо согласующуюся с концепцией автора. Это свидетельство (Varr., I, 7, 2 и I, 42, 1) указывает на рост урожайности (к сожалению, с цифры, не известной в эпоху Катона) в эпоху Варрона до сам-десять—сам-пятнадцать и понижение ее во времена Колумеллы до сам-четыре (Col., III, 3, 4). Если к этому прибавить жалобы Колумеллы, Плиния Старшего и Плиния Младшего на неурожай, перед нами встает яркая картина эволюции зерновых культур, приведшая к катастрофическому падению урожайности. Автор как бы не замечает этой эволюции, так как распространяет на эпоху Катона цифры урожайности, сообщаемые Варроном, без всяких оговорок комбинирует нормы выработки издольщика, сообщаемые Колумеллой, с цифрами урожайности того же Варрона⁷.

³ М. Е. Сергеевко много говорит о комбинировании культур в пределах одного участка (стр. 23—24), но, скорее всего, не считает, что оно означало уже отход от двуполюя и появление элементов плодосмена.

⁴ Дж. Луццатто, Экономическая история Италии, М., 1954, стр. 304—306. Ранний италийский средневековый трактат о сельском хозяйстве Италии, принадлежащий перу болонского судьи Пьетро де Крешенци, показывает, как много заимствовало средневековье в области сельского хозяйства у римских агрономов.

⁵ Луццатто, ук. соч., стр. 99—100.

⁶ Судя по всему, автор считает его господствующим в Средней Италии не только в эпоху Катона, но и во время Варрона и Колумеллы, стр. 31—33.

⁷ Если принять для эпохи Катона несколько меньшие цифры урожайности, чем сам-десять, то это подорвет вывод М. Е. Сергеевко о высокой оплате труда издольщика (около 0,5—1 пуд за день) и ее соотношение о довольно сносном положении среднеиталийского крестьянина этого времени, см. стр. 15—17.

Хорошо обосновав тезис о большой роли зерновых в эпоху Катона, автор затем оставляет открытым вопрос о роли зерновых во времена Варрона и Колумеллы. Нам представлялось бы целесообразным все вопросы зернового хозяйства систематически рассмотреть в отдельной главе, как, например, это сделано относительно маслиноводства.

К сожалению, в книге, посвященной сельскому хозяйству Италии, отсутствует раздел о виноградниках Италии.

Едва ли оправдано при характеристике сельского хозяйства Италии периода его расцвета обойти молчанием вопрос о латифундиях и их роли в процессе развития римского сельского хозяйства вообще и земледелия в частности. Автор лишь коснулся этой проблемы при характеристике сельского хозяйства долины По в эпоху Сазерны, т. е. конца II — начала I вв. до н. э. Создается впечатление, что М. Е. Сергеевко считает местом большого распространения латифундий, крупных поместий (между прочим, слово латифундия в книге нигде не названо) Северную Италию, с чем вряд ли можно согласиться, несмотря на остроумное и тонкое истолкование отрывков Сазерны, данных слишком мало, чтобы выводы седьмой главы стали убедительными. Автор даже не связывает появление экстенсивного направления среди сельских хозяев I в. н. э. с проблемой латифундий⁸, тем самым полностью обходит молчанием эту форму организации сельского хозяйства и его влияния на его развитие⁹.

Несомненно, большим достоинством работы является стремление автора связать вопросы технического порядка в сельском хозяйстве с рассмотрением известных форм организации хозяйств, с тем или иным типом рабовладельческого поместья. Это выгодно отличает работу М. Е. Сергеевко как историка-марксиста, от работ буржуазных авторов, например Р. Бийяра¹⁰, которых технические вопросы интересуют сами по себе. Однако, говоря о существовании двух направлений в итальянском сельском хозяйстве I в. н. э., М. Е. Сергеевко не делает, на наш взгляд, естественного вывода о том, что сторонники экстенсивного направления и сторонники интенсивного направления имели в виду разные типы хозяйств с различным соотношением культур, принципами использования рабочей силы, степенью товарности, агрикультурой, с другим севооборотом и т. д. Иначе говоря, желательно было бы дополнить анализ развития сельского хозяйства, связав его с возникновением и развитием самих типов рабовладельческих имений.

Далее, автор уделяет внимание проблеме рабского труда в сельском хозяйстве, но делает это мимоходом, отрывочно и потому нецелесообразно. Поскольку, согласно точке зрения римских агрономов, раб такое же орудие, как вол или плуг, раб заслуживал более детального рассмотрения в этом плане¹¹.

Рассмотрение вопроса именно с этой точки зрения, например, специализации сельскохозяйственных рабов, организации их труда, ежедневные их задания, системы уроков и контроля и т. д. и т. п., могло бы более полно показать эволюцию итальянского сельского хозяйства.

Подводя итог общим замечаниям, можно сказать, что в новой книге М. Е. Сергеевко сильнее выражены агрономические, технические стороны сельского хозяйства Италии и, к сожалению, слабее его производственные стороны.

Некоторая неравномерность описания имеется в IX главе «Villae rusticae под Помпеями», где ряд усадеб охарактеризован со всей подробностью, в то время как другие, не менее важные, например вилла № 34, особенно вилла № 31 (вилла Агриппы Постума), описаны чрезвычайно бегло, к тому же здесь нет планов усадеб Азеллиев и виллы Агриппы.

Таким образом, большинство наших замечаний сделаны с точки зрения того, чего в книге нет. Однако то, что в ней есть, является ценным вкладом в советскую романистику. Без книги М. Е. Сергеевко вряд ли сможет обойтись специалист и по истории сельского хозяйства, и по истории аграрных отношений, и по истории экономики Италии. Читатель получил не только серьезный научный труд, где собран и проанализирован разнообразный и важный материал, но и увлекательную книгу, написанную живо, а порой изящно и остроумно, чтение которой доставляет большое удовольствие.

В. Кузицин

⁸ Резче эта точка зрения сформулирована в статье М. Е. Сергеевко, О двух типах сельских хозяйств в Италии в I в. н. э., Изв. АН СССР, 1935.

⁹ В последнее время Джанфранко Тибилетти высказал мысль, что распространение латифундий в Италии как раз и было причиной подъема итальянской агрикультуры. См. G. Tibiletti, Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca Graciana al principio dell'impero, «Relazioni del X Congresso», т. II, 1956, стр. 248, 292. Ср. Г. С а л ь в и о л и, Капитализм в античном мире, Харьков, 1923, стр. 65.

¹⁰ R. B i l l a r d, L'agriculture dans l'Antiquité, P., 1928.

¹¹ Характерен в этом отношении пример Варрона. Тщательно выделив из земледелия все к нему относящееся, Варрон (Varr., I, 2, 13—28) вопросу о рабах уделит две большие главы (Varr., I, 17 и 18).